

Сергей Хомутов

В БРЕДУ РЕАЛЬНОСТИ

Книга новых стихов

«Рыбинское подворье»
2010

УДК 882-1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5
Х 76

Хомутов С.А.

Х 76 В бреду реальности. — Рыбинск: Рыбинское подворье, 2010. — 64 с.

Противоречия нынешнего времени, доходящие до предельной обостренности, отражены в новых стихах Сергея Хомутова. Поэт пытается не просто зафиксировать то, что видит и чувствует, а проводит линию от прошлого к будущему. Несмотря на обилие горьких, а порою и страшных строк в книге, поэт не теряет веру в то, что мир изменится к лучшему, не застынет в нынешнем неприглядном состоянии. Но все-таки лейтмотивом звучит в стихах суровое предупреждение о возможной катастрофе, когда уже «Всевышний спросит» за утрату человеческого в человеке.

ISBN 5-85231-050-6

© С.А. Хомутов, 2010

© А.С. Хомутов, оформление, 2010

ОТ АВТОРА

Конец прошлого и начало нового века отличаются такой насыщенностью событий и невероятных перемен, что осмыслить их крайне трудно, а не откликнуться на всё происходящее с Россией и русским человеком — невозможно. Взгляд на современность, попытки понять суть явлений не навевают радостных чувств. Но, что поделать, какова жизнь, таково и ее отражение в творчестве многих авторов, в том числе моем.

Это не исключает рождения иных стихов, где больше света, тепла, надежды. Они войдут в другие книги, которые в последние годы складываются у меня сами собой именно из близких по духу и настроению строк. Иногда светлое переплетается с темным, иногда эти линии параллельны, но не взаимоисключающи.

Название книги «В бреду реальности» предельно ясно говорит о ее содержании. То, что видится сейчас вокруг, и вправду порой напоминает кошмарный сон наяву. Нельзя не замечать такое, постоянно отворачиваться от печальной действительности. Эта книга из стихов, которые я не мог не написать.

* * *

Мы — странники века чужого,
и в новой толпе
Сплошной неуют не один я порой ощущаю,
Всё больше людей, говорящих о чем-то себе,
На улицах и площадях постоянно встречаю.

О чем эти губы прерывисто шепчут, понять
Непросто,
но явленный факт очевидно тревожен, —
Наверное, что-то не могут упрямо принять,
Да только протест бесполезен,
и вызов ничтожен.

Окликнет прохожий, отвечу ему: «Не курю...»
На миг отвлекусь от раздумий
случайным вниманьем —
И вдруг замечаю, что тоже с собой говорю
И встречные люди
глядят на меня с пониманьем.

2005

* * *

*Есть от чего прийти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.*

Г. Иванов

Отчаянье бывает разное:
Уход, изгнание, пустота...
Одно — вполне благообразное,
В другом — святого ни черта.
Былое скомкано и предано,
А значит, завтра быть беде.
Какого роду я — неведомо
И не прописано нигде.
Живем вполшага, вполдыхания,
Вполверы, в пол-любви живем,
Страшась земного содрогания,
И каждый замкнут на своем.
И прячемся всё углубленнее
В своей непрочной скорлупе,
И вечное всё отдаленнее,
И сложно быть собой в толпе.
Куда бежать от света тусклого,
Тоской покрытого сплошной,
Когда не будет снега русского,
И дома, и земли родной?..

2010

* * *

Всё меньше споров по высоким темам,
Всё больше разговоров о деньгах,
Скатились нынче мы к таким проблемам,
Что скрежет металлический в мозгах.

Детишки просят – отвернуться трудно,
Старушки молят – больно отказать,
И это неприкрыто да прилюдно,
Глаза бы, чтоб не видеть, завязать.

В существовании темном и нелепом
Попробуй сохранить любой завет...
Жестоко вторить: «не единым хлебом»,
Когда у человека хлеба нет.

2010

* * *

Теряют голоса поэты,
Пророки смолкли в стороне,
На всё
уже даны ответы,
И основательно вполне.

Какой еще предстанет идол,
Чтоб нас безумьем напитать?
Всё, что хотел, Учитель выдал,
И новых истин трудно ждать.

Он высоко скрижали поднял,
Чтоб каждый зрячий
к ним приник,
Да снова ничего не понял
Неблагодарный ученик.

2009

Хоть живы, пока еще живы,
Но сжаты молчанием рты,
Бравурные речи фальшивы,
Когда в окружении ты.
Когда по болотной трясине
В поту и грязи ты ползешь,
Все мысли о той половине
Судьбы,
 что под сердцем несешь.
О том, что последние силы
Отдашь, пробиваясь во мгле
Совсем не до братской могилы,
А к дому и отчей земле.
Тогда обо всем и расскажешь,
И даже немного всплакнешь,
Язык онемелый развяжешь
И с правдой не спутаешь ложь.
А нынче,
 рванувшийся к свету
Сквозь пагубу вражьих стволов,
Скрипишь ты зубами,
 и нету
Нужнее, насущнее слов.

2009

Нынче многих, наверно, терзает
Обступившая мрачная тень...
Наша русская даль исчезает —
Степь ямщицкая,

снежная звень.

Обрубили ее, обложили
Тяжким камнем больших городов
И великую боль обнажили,
Пустоту беспросветных годов.

А за далью утраченной

следом

Растеряли веков глубину,
Что магическим наполнила светом
Всю огромную нашу страну.

Подменили ее нищетою
Диких споров на ложной меже,
Родниковой былой чистотою
Не напьется потомок уже.

Ну и третью святыню срывают,
Заслоняют от взглядов хитро;

И теперь

высотой называют

Не любовь, не земное добро,
Не зазывную песню родную,
Не былинный эпический слог,
А разгульную блажь продувную
Да наживу — довольства залог.

Что еще остается?..

Быть может,
Пресловутая дикая глушь,
Та, что души глотает и гложет,
Не щадит человеческих душ.
И в порыве своем небывалом
Не захочет скучать взаперти,
А пойдет со звериным оскалом,
Всё сметая уже на пути.

2010

На слабые головы наших вождей
Срываются тяжкие глыбы идей.
Сгибаются шеи от боли.
Но глыбы ли это? Скорее они
Большим пузырям разноцветным сродни,
И это понятно всё боле.

А может, и ладно, иначе — беды
Нам не избежать, непосильны труды,
Уж лучше идти безыдейно,
Чем ткнуться и, шагу не в силах ступить,
Позор от падения сразу испить,
Как дикую дозу портвейна.

У слабости выбора попросту нет,
Утерян, как видно, волшебный завет,
Утрачена суть родовая.
Пустые надежды, пустые слова
И новая перед толпой голова,
И даже как будто — живая.

2010

О каком говорить величьи,
Мы в душевном давно увечьи,
Станут рыбки права и птичьи
Скоро выше, чем человечьи.
И собаки уже, и кошки
Обретают свои законы
И вальяжно глядят в окошки,
Для хозяев — почти иконы.

Ну а люди — переселились
И в приюты, и на помойки,
Хватит, братцы, повеселились
От попойки и до попойки.
На судьбу свою поплевали
Да поклонялись власть имущим,
А сегодня загоревали
Перед холодом всемогущим.

А собакам и птицам — слава,
Рыбкам, кошечкам — безусловно,
И, хоть им не нужна держава,
Охраняют свой мир любовно.
Их заботою окружили,
Нам же нынче темно и скверно;
И они свое заслужили,
Да и нам по заслугам, верно.

2009

ОСЕНЬ 2006

Боже мой, как задерган я этой
Дребеденью расхожего дня,
Где-то в небо пуляют ракетой,
А она попадает в меня.
В Палестине бунтуют арабы,
Но вопят — у меня под окном,
С Ярославки продажные бабы
Забегают ко мне перед сном.
Это я — ЖКХ и таможня,
И Бен Ладен, и Ленин в гробу;
Мой стакан поутру опорожня,
Алконавт пересилил судьбу.
Сколько можно еще, сколько нужно
Всем экранам, газетным столбцам
Внутривенно, утробно, наружно
Мне прописывать этот «бальзам»?!
От бессмыслицы невыносимой
Психану и развею вас в дым:
Стану Гитлером, и Хиросимой,
И всемирным потопом вторым.

2006 – 2010

ЖЕРТВАМ БЕЗВРЕМЕНЬЯ

Зачем вы, мальчики, зачем
Под пули всяческих систем
Убойного прицела века
Бросаете свои тела,
Крутые завершив дела
В обличьи получеловека?

И даже зверя, может быть.
Вы, так мечтавшие пожить
По-человечески, красиво,
Заплеваны слепой молвой,
Что пострашнее, чем конвой,
Вершит насилье торопливо.

Опять расколота земля,
Измаянных людей дея,
Как прежде, на две половины;
Псы-рыцари и просто псы,
Россию бросив на весы,
Наверно, знают, в чем повинны.

Зачем вы, мальчики, зачем
В решении своих проблем
Дошли до смертного прицела?
Зачем? Внемлите поскорей
Слезам отцов и матерей
Над горькой долей беспредела.

Могилы ваши глубоки,
А дни благие далеки,
Страшной чеченской и афганской,
Она идет, идет война...
Страна припомнит имена
Погибших на второй гражданской.

1997 – 2009

На волжском откосе, бегущем к воде,
Стою в почерневшей почти лебеде,
Вокруг и со мной вся Россия моя,
Осенняя,

в грустной поре забытья.

Где часто и плачут, как будто поют,
Которую вряд ли поймет Голливуд,
Снимая развалины древних церквей, —
Всё неповторимо в России моей.

Куда ты уходишь, родная,

куда,

В какие неясные дни и года?

Огромная,

вместе земля и вода, —

Не в этом ли кроется наша беда,

Когда не измерить, не охватить,

Разрушить легко,

тяжело возродить?..

Тревожен осенний обветренный путь,

Но в нем открывается строгая суть,

Судьба до песчинки родимой земли,

Что предки Российской землей нарекли;

Где даже с окрестных берез воронье

Пытается выкрикнуть имя ее.

2008

* * *

Всё бесправнее русский язык,
Загоняемый в сеть мировую,
Я за годы к иному привык —
С ним, великим, общаться вживую.
А точнее сказать — перед ним
Ощущаю таинственный трепет,
В чем-то сам этим чудом храним,
Хоть судьба предостаточно треплет.
От убожества серых газет,
От убойного ненорматива
Отбиваюсь до старости лет,
Как от водки паленой и пива.
А теперь никаким словарем
Не прикрыться в бессильи борений:
Надо знаки убрать — уберем,
Надо смысл — без проблем и зазрений.
Эта сеть повязала уже
Всё вокруг, от земли и до неба,
Нет в ней места сегодня душе —
Лишь одна разбитная потреба.
Всё упрячут сюда, как в нору,
Полетят из экранного мрака
И чудесное «Лермонтов Ру»,
И прекрасное «Пушкин собака».

2009

* * *

Что могут сделать сыновья,
Кого им воспевать,
героить?..
Устала родина моя
Бороться, подымать и строить.

В кровавой пене прошлых дней,
В соленой топи слез и пота
Так трудно стать еще сильней,
Коль это длилось год из года.

За перевалом перевал,
Вдруг обернувшийся
провалом...
И страшен ли девятый вал,
Когда накрыло первым валом?!

2009

НАДЛОМ

Ну где я — в своем ли, в чужом ли просторе?
А впрочем, какой в этой жизни простор, —
Лишь злость в разговоре, да в низменной своре
Любой обречен, словно червь, на позор.

Холодные окна, угрюмые своды,
Помятые шапки больных бедолаг...
Дождемся ли, братья, добротной погоды
И Богом для мира завещанных благ?

Уже непонятно, где кроны, где корни,
И воздух всё горше, и дни всё тупей...
Лишь странные русские женщины кормят
На сером асфальте седых голубей.

2006

Мой двор — государство призрения
Бомжей, алкашей да старух,
Уже не впадающих в прения,
С трудом сохраняющих дух.

Подобные неким семечкам,
Вдвоем, вчетвером, впятером,
Те — просто сидят по скамеечкам,
У этих — похмельный синдром.

Их жизни прошли незамеченно,
И вспомнить бы лучшее, но —
Что радостью в прошлом отмечено,
В конечном итоге — темно.

Да, впрочем, и память, сочувствуя,
Стирает минувшие дни;
На свете покуда присутствуя,
По сути, отпеты они.

Шел каждый своею дорогою,
Не ведая, что впереди,
И вот остается немного —
Короткую смерть перейти.

2008

Какие запреты на водку
Ночную —
 пустой разговор,
Когда ухватили за глотку
Тревога, безумье, позор...
Когда ни пути, ни тропинки,
А только в бессонных ночах
Бессрочные длятся поминки
По тем, кто в уныньи зачах.
Забитый судьбой беспредельно,
Как самый последний урод,
Бессильно, безвольно, бесцельно
Спивается русский народ.
Добрейший, мудрейший по сути,
Да вот не умеющий жить
Расчетливо, тихо,
 «как люди»,
Всё рвущийся боль обнажить.
А если иссякло везенье
И сердце дрожит, словно ртуть,
Готовый принять во спасенье
Могильную землю на грудь.
Быть может, небесным веленьем,
В бесстрастном суде не людском,
Проявится вдруг искупленьем,
Что смертным казалось грехом?..

2008

Транспорт вдруг повернул не туда,
Где-то перекопали дорогу;
Это, в общем, совсем не беда,
Слава богу, что так, слава богу.

Хорошо, что ты можешь сойти,
Пересесть
 или ехать по кругу, —
Разбирают нередко пути,
И весною, и в зимнюю вьюгу.

Всё приемлешь не столь горячо
С точки, нынешним возрастом взятой.
Хорошо, что дорожник еще,
А не хмурый могильщик с лопатой.

2009

ПО ОЧЕРЕДНОМУ ПОВОДУ

Всё теперь со стоном или свистом,
Нет в искусстве строгого пути, —
Можно кончить жизнь самоубийством
Иль дурную бабу завести...
Стать «горланом» в наше время трудно,
А вот жертвой — шанс изрядный есть,
Взять запить на месяц беспробудно —
И... готова траурная весть.
Коль не сдох «по-русски» под забором,
Хоть и подыхал не раз, но жив,
Не мечтай о возвышеньи скором,
Жертвенную метку заслужив.
Только жить сегодня слишком страшно,
Словно безысходно крест нести,
Проще разогнаться бесшабашно
По уже знакомому пути.
И не видеть гибели святого
С горькою, бессильною виной, —
Поруганья слова золотого,
Музыки — небесной и земной.
Страшно перед горсткою нетленных
Свитков прежней мудрости людской
Всё молить, молить за убиенных —
За спасенье и за упокой.

2009

Неужто жили зря Гомер, Софокл, Плутарх?
Тургенев и Толстой томятся одиноко...
Читает ли в тиши Лескова олигарх,
Берет ли президент за полночь томик Блока?

Вздыхает ли банкир над пушкинской строкой?
Чем вечным зажжено чиновничество наше?
Мне трудно дать ответ,
но, если мир такой,
Всё ясно без того,
понятно слишком даже.

К закату сходит свет, задуманный Творцом,
Евангелье смешит и пошляка, и шлюху.
С каким идем-бредом к исходу мы лицом,
С какой душой?
Она всё больше служит брюху.

Утрачены навек счастливые миры,
Мы со всего навар собираем и сдираем.
Всё явственней уже мне видятся костры,
В которых книги жгут,
в которых — мы сгораем.

2009

Не к торговцам устремляюсь липким,
Что влекут обилием товаров, —
Изучаю классику

по скрипкам

И гармошкам около базаров.

От имен далеких и великих

До простых народных русских песен,

Вид «маэстро» грустно-безъязыких

Мне всегда печально интересен.

Что важней для них — обед

иль сотка

Зелья, что согреет и возвысит,

Иль вниманья тоненькая нотка,

Та, что от меня сейчас зависит?

Ну а я, оторванный от бега

Приземленной жизни на потребу,

Искупаю грех глухого века,

Хоть чуть-чуть приподымаясь к небу.

2009

* * *

Хоть вой, хоть лей в утробу водку,
Покой душа не обретет,
Тоска, вцепившаяся в глотку,
Так просто нынче не уйдет.
Она свое имеет право
На мой полуночный покой,
Она, по сути, судит здраво, —
Кто перед нею я такой?
На святость — никакого шанса,
И на смирение воли нет,
Я — вырожденец декаданса
На гадостном отрезке лет.
Что будет явленным итогом?
Наивно верить в благодать.
Лишь тот спокоен перед Богом,
Кто вновь готов его предать.

2009

* * *

За делами, беспросветными делами
Мы как будто за лесами, за долами,
Не докличешься ни днями, ни ночами,
Хоть с какими обращайся к нам речами.

Мы утрачены для близких и родимых,
Запутались в тупиках непроходимых.
И опомниться решимся ли когда-то,
Понимая, что, наверно, всё же надо?

Ну, хотя бы на заслуженной скамейке,
Хуже, если на кладбищенской аллейке,
Где исхода нет искомому ответу, —
Для чего ты приходил на землю эту.

2008

ЗИМА 2010

Многие реже сейчас улыбаются,
Тень отчуждения на лицах усталых,
Всё безысходней старушки сгибаются
Над кошельками в базарных развалах.

Что эти женщины думают грустные,
Что вспоминают, коль память осталась, —
Трудно сказать,
наши рынки нерусские
Видом одним загоняют в усталость.

А мужики поутру собираются
На партсобрания времени нового,
Ну и к обеду уже нажираются —
И разговоров, и зелья хренового.

Время тревожное.

Племя заблудшее.
Хоть бы дожить до весеннего лучика...
Жалко старушек, что видели худшее,
Да ребятишек, не знающих лучшего.

2008

* * *

В тоске и мраке трудноато дышится,
Ну а живется вовсе тяжело,
И оттого роптанье всюду слышится,
Что времечко Антихриста пришло.

Испиты души или же запроданы,
В притонах и салонах правит зверь,
Ни матери, ни совести, ни родины
У падших не отыщется теперь.

Жестокие в миру творятся игрища,
Растоптаны любовь и чистота,
Но хоть страшит нашествие Антихриста,
А Судный день – пришествие Христа.

2009

Назвать бы попросту судьбою,
Но снова не постичь умом,
Что вижу я перед собою
И нахожу в себе самом.
Уже как будто две России:
Одна — в салонах и дворцах,
Другая — мужики «косые»
С тоской тяжелою в глазах.
И здесь и там свои законы,
Свои законные вожди,
Но только разные иконы,
Да и дороги впереди.
И так всегда, пожалуй, было
С моей трагической землей, —
То по цветам ее делило
Какой-то странной волей злой;
То по влюбленности в Европу;
То по размеру кошелька;
То по одежке: этим — робу,
Тем — важный отблеск пиджака.
Когда ж они в одну сольются,
Две разделенные страны,
И вместе радостно упьются
Иль будут трезвости полны?
Когда удастся обнаружить,
Что приоткрылась благодать?
Но это вам не стены рушить,
А души... души возрождать.

2009

Говорить нелепо «слава богу»,
Что за годы, ставшие чужими,
Ужились мы как-то понемногу
С явными убийцами своими.
Нас уже не кормят и не лечат,
Просто хитровато утешают,
И детей изысканно калечат —
На пивко да на иглу сажают.
Мы смирились... Как же вышло это?
Где порывы наши и прорывы?
Нам привычно стало в новом гетто,
Благо живы... или полуживы.
Да и с кем бороться — непонятно,
Все твердят о благе бедолаге,
Ну а тот глядит, размягший ватно,
Придвигая вновь стакан к баклаге.
На кого пенять, кому поверить —
Всем иль никому на этом свете?
Пред собою трудно лицемерить,
Но еще труднее — быть в ответе.
Заплываем смрадом, блудом, жиром,
Принимая обиход безбожный.
Если все ничтожны, значит, миром
Правит самый что ни есть ничтожный.

2009

Кто-то бредит догнивающей лодкой,
Кто-то мучится вселенскою виной...
Как туземцев, травят нас дешевой водкой,
Не опасен власть имущему хмельной.

Нынче водка уподоблена свободе,
Заглотил стакан-другой —
и ты паришь,
Пребываешь на заволжском огороде,
А мерещатся и Ницца, и Париж.

Это зелье не случайно в мире тленном,
Есть в бессмыслице какой-то дикий прок:
В существе,
по всем статьям обыкновенном,
Разгорается внезапно костерок.

Жаль, горит он слишком слабо
и неверно,
И недолго возгорание сие,
Ну а после помрачительно и скверно
Вновь становится земное житие.

Вроде всё давно избито и открыто,
Но, как прежде, год из года пьют и пьют,
Сколько было их, стаканов, перебито,
Да напрасно — рядом новые встают.

А может, хватит о России,
С вершин
 скатившейся до бездн...

По-всякому изобразили
Ее — с величием и без.
Сегодня вид ее невзрачен,
Былые скомканы черты,
И Аввакумов дух утрачен,
И «гений чистой красоты».
Быть может, хватит...

 Но сурово,
Как в стародавние года,
Глядит в меня святое Слово,
И я стораю от стыда.
Отречься просто

 и обречься
На безысходную тоску,
Да вот во что тогда облечься
Душе на божеском веку?!
Не вечно торжество позора,
Предательское забытьё,
И если не она,
 то скоро
Всевышний спросит за нее.

2009

Свобода слова больше не нужна,
Когда уже не Бог, а сатана
В устах завоевателей планеты,
Когда мобилизовано оно
Затем, чтоб сеять страшное зерно,
Им черные деяния одеты.

Всё яростней на службе колдовства
Еще вчера пристойные слова,
Но ставшие негаданно чужими;
А что с любовью делать и теплом,
С беседою за дружеским столом,
Что завтра вдруг откроется за ними?

Да только мне метанья ни к чему,
Как прежде, верный делу своему,
Храню исконных звуков просветленье.
Я принял их, и долг теперь за мной,
И шаг земной, и выбор неземной,
И каждого паденья искупленье.

2005

РАЗМЫТОЕ КЛАДБИЩЕ

Успокаивают законники,
Мол, великих трагедий нет,
Но всплывают со дна покойники
И выходят на белый свет.

То одно размывает кладбище,
То другое грызет вода,
И огромные, словно крабищи,
Вылезают они сюда.

Этот знак не случаен, видимо, —
Все под Богом иль сатаной,
Всем по-своему в мире выдано
И тревогою, и виной.

Цедят время в свои подойники
Скоросделанные вожди,
Но выходят на свет покойники,
И покоя уже не жди.

2004 – 2010

* * *

Если нет никакого лечения,
То хоть видимость надо создать.
Скоро толпы козлов отпущения
Станут грустные доли топтать.

Им, козлам, по заслугам, наверное,
По делам и породе своей,
Только зрелище все-таки скверное —
Видеть в облике оном людей.

Потому как едва ли достаточно
Отыскать для примера козла,
А явление бытует остаточное,
И ничуть не уменьшилось зла.

Ни раскаянья, ни очищения
Даже малых не видно примет.
...Вереницы козлов отпущения,
А волков отпущения нет.

2009

МЫСЛИ НА РАЗВАЛИНАХ

Эти трещины строений —
Свод всемирных настроений,
В целом — невеселый свод.
Хоть расскажет много слишком,
Да не даст разбег мыслишкам
На добротный поворот.

Трещины ползут эпохой,
Нашей стороной убогой,
Нашей грешною землей,
Не содвинуть их, не склеить,
Разве что душой лелеять
Память красоты былой.

Лишь сомнения да слезы
Да обвальные угрозы
Среди множества других...
Прошлое перерываем
И не в косточки играем, —
В кости прадедов своих.

2002

Несуразно живем, непонятно совсем,
Что ни думай об этом.
Каждый ищет: за что уцепиться и чем? —
Да не просто с ответом.

Поломали скрижали, по пьянке снесли,
Дух душком подменили,
Не причалили к небу,
а в дебрях земли
Вечный смысл обронили.

Но впадать в сострадание —
нынче не в масть
Всем, кто принял «свободу»
И целует безудержно мерзкую власть,
Этой власти в угоду.

За улыбку пытается выдать оскал,
Рад безумному сдвигу,
Словно бомж,
что в помойном бачке отыскал
Кулинарную книгу.

2009

* * *

Дни обступают уродливо
Кру́гом угрюмых примет,
И понимаешь отчетливо:
Выбора в будущем — нет.

Сколько еще до прощального
Часа-мгновенья уже,
До перелома обвального
На родовом рубеже?

Что бы ни выложил в сумме я,
Всё — одинаков ответ:
Есть ощущение, раздумия,
Только вот выбора нет.

Сопrotивления веского
Не остается, увы,
Словно у снега апрельского
Или октябрьской листвы.

2007

То не осень виновна, пора
Эта, в общем, не слишком терзает,
Да нависшая нынче хандра
Очень многих уже догрызает.

Кто-то лезет привычно в бутыль,
Кто в экран отупело ныряет,
Этой жизни раздерганный стиль,
Словно качка морская, швыряет.

Отчего так штормит на Руси?
Раньше тоже случалось такое,
Но всеильное «Боже, спаси»
Берегло наше царство людское.

Что же делать и что обретать,
И себя и других подымая, —
То ль столбцы Иоанна читать,
То ль пророчества племени майя?..

2009

В черных дырах мироздания моего,
Что пропахли то ли водкой, то ли пивом,
Не отыщется, пожалуй, ничего,
Что по-прежнему казалось бы красивым.

По репейникам, кустарникам, камням
Столько силы поразбросано и света,
По забытым и еще хранимым дням
Не одна судьба пропета и отпета.

Я гляжу последним зреньем в темноту,
Я кричу в нее, да отклика не слышно,
Сколько раз переступал я за черту,
Натурально, а не образно и книжно.

Только трудно верить выставшим годам,
Приготовившим подобие возмездья.
...Я же помню, ясно помню — были там
Звуки чистые и чудные созвездья.

2007

Надо сделать наконец-то свой вызов
Пустоте, нависшей нынче над веком,
Взять и выбросить в окно телевизор
И почувствовать себя человеком.

Нужно жить, а там одни разговоры
Про коррупцию, воров и бандитов,
Ради споров разгораются споры,
Из-за денег и других appetitов.

Повернуться бы к родимой природе —
Выйти к речке да в лесок за грибами,
Чтобы вечное пробилось в народе,
Что совсем затравлен телеглобами.

Пробудить бы благодатные струнки,
Увидать крушеньё пошлых канонов, —
Как порхают из окошек «Самсунги»,
«Панасоники» слетают с балконов.

2009

* * *

Кто мы все-таки — нечто живое,
В смысле разума, веры, деяний,
Иль погрязшее в громе и вое
Наслоенье пустых излияний?
Оправданье Господних стремлений,
Воплощение Вышнего слова
Иль бессмысленность совокуплений,
Повторяемых снова и снова?
Единенье, которое свято
Сохранит и умножит заветы,
Или попросту пыль, что когда-то
Сдует ветром вселенским с планеты?..

2007

* * *

Родина, прости меня за тьму,
Что посеял я в твоём доме,
За мои тяжёлые слова,
Суть которых нынче не нова.
Шёл за светом весь прошедший век,
Но пришедший век тот свет отверг.
Говорил я, в общем, не о том,
Что наполнен тьмой родимый дом,
А о том, что смутен мой удел —
Слишком часто в пустоту глядел.
Чудны виды милые твои:
Радуги, рассветы, соловьи...
Но душа скорбит, скорбит она,
Болью неотступною полна.
Потому прости меня, прости,
Грех унынья сыну отпусти,
И, пока я бедствую в ночи,
Ты лечи меня, лечи, лечи...

2006

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
«Тревожной мыслью сам себя неволишь...»	4
«Я – эмигрант неведомой волны...»	5
«Мы – странники века чужого...»	6
«Если бред переходит в реальность...»	7
«Отчаянье бывает разное...»	8
«Всё меньше споров по высоким темам...»	9
«Теряют голоса поэты...»	10
«Хоть живы, пока еще живы...»	11
«Нынче многих, наверно, терзает...»	12
«На слабые головы наших вождей...»	14
«О каком говорить величьи...»	15
Осень 2006	16
Жертвам безвременья	17
«На волжском откосе, бегущем к воде...»	19
«Во двориках, где постигали поэзию мы...»	20
«Всё бесправнее русский язык...»	21
«Политик от величья забурел...»	22
«Что могут сделать сыновья...»	23
Надлом	24
«Мой двор – государство призрания...»	25
«В проклятой суете забыл о смерти друга...»	26
«Какие запреты на водку...»	27
«Транспорт вдруг повернул не туда...»	28
«Всем законам людским вопреки...»	29
«Бесконечно об этом в серьезных твердим разговорах...»	30
«Легко сказать, что ты – всего лишь зритель...»	32
По очередному поводу	33
«Неужто жили зря Гомер, Софокл, Плутарх?...»	34
«Не к торговцам устремляюсь липким...»	35
«Хоть вой, хоть лей в утробу водку...»	36
«За делами, беспросветными делами...»	37
Зима 2010	38
«В тоске и мраке трудноато дышится...»	39

«Мы долго шли другим вдогон...»	40
«Назвать бы попросту судьбою...»	41
«Говорить нелепо “слава богу”...»	42
«Кто-то бредит догнивающей лодкой...»	43
«А может, хватит о России...»	45
«Свобода слова больше не нужна...»	46
«Какие не выдумывали кройки...»	47
Размытое кладбище	48
«Если нет никакого лечения...»	49
Мысли на развалинах	50
«Несуразно живем, непонятно совсем...»	51
«Рассуждать — напрасно, просто немо...»	52
«Дни обступают уродливо...»	53
«Побродили довольно, по меркам и срокам людским...»	54
«То не осень виновна, пора...»	55
«В черных дырах мироздания моего...»	56
«Надо сделать наконец-то свой вызов...»	57
«Кто мы все-таки — нечто живое...»	58
«Подальше от Царя, поближе к Богу...»	59
«Родина, прости меня за тьму...»	61

Литературно-художественное издание

В БРЕДУ РЕАЛЬНОСТИ

Хомутов Сергей Адольфович

Редактор *Т.Н. Спирина*
Технический редактор *А.С. Хомутов*
Художник *А.С. Хомутов*
Корректор *Т.Н. Спирина*

Сдано в набор 30.12.2009. Подписано в печать 16.03.2010.

Формат 70x90/32. Гарнитура «NewtonС».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд.л. 2,1.

Тираж 300 экз. Цена договорная. Заказ № 00.

Издательство «Рыбинское подворье»
152901, г. Рыбинск,
Волжская набережная, 77.

ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.